

Подминая под себя

Немецко-французский двигатель - это проблема для ЕС, а не ее решение

Избрание президента Франции Эммануэля Макрона и повторное избрание Ангелы Меркель, которая, предположительно, останется на посту федерального канцлера Германии еще на четыре года, находятся в резком противоречии с тенденциями развития в остальных странах Европе, которая становится все более нестабильной и непредсказуемой. Возникает вопрос, не слишком ли жестким для остальных стран-членов ЕС стало твердое немецко-французское ядро Европейского союза. Если это так, то те, кто мечтал о "более тесной евроинтеграции", вынуждены будут удовлетвориться лишь расширенным вариантом немецко-французской оси.

Европу сегодня разрывают центробежные силы, в частности, сепаратистское движение в Каталонии, а также более приглушенное стремление к автономии в итальянских регионах Ломбардия и Венето. Крайне правые популисты сейчас у власти в Венгрии и Польше и могут добиться успеха еще и в Австрии. Крайне левые популисты правят в Греции, а центристский популизм, похоже, овладевает Чехией, где магнат Андрей Бабиш вскоре может стать новым премьер-министром страны.

Очевидно, что в ЕС выплеснулось наружу острое недовольство избирателей самого разного политического спектра, о чем свидетельствует и название победившей партии Бабиша – «Акция недовольных граждан». Но не так очевидны истинные причины этого недовольства.

*В ЕС выплеснулось
наружу острое
недовольство
избирателей самого
разного политического*

Часто говорят, что популизм является неизбежной реакцией жертв глобализации. Но это мнение опровергается хорошими экономическими показателями Чехии, Венгрии и Польши. И оно не объясняет, почему каталонский кризис разразился именно в тот момент, когда в Испании

происходит уверенное восстановление экономики, и почему Греция остается слабой. Приток беженцев – это еще один популярный «обвиняемый», но у него есть убедительное алиби: в странах, которые возглавили атаку на миграционную политику ЕС, беженцев очень мало.

Для выявления истоков европейского недовольства нам нужно проанализировать давно устоявшиеся представления о том, что лидером в Европе всегда должен быть франко-немецкий альянс, который на протяжении десятилетий играл роль главного мотора европейской интеграции. В послевоенный период президент Франции Шарль де Голль начал тесно сотрудничать с канцлером Западной Германии Конрадом Аденауэром, и подобное сотрудничество продолжалось до 1990-х годов – эпохи дружбы Франсуа Миттерана с Гельмутом Коелем.

Такая история давно привела к появлению представлений, что остальная Европа должна просто принять все, о чем Франция и Германия сумели договориться. Однако во время кризиса еврозоны, который начался в конце 2009 года, власть постепенно стала уходить от Франции к Германии, а в Европе многие начали воспринимать обе страны как тиранов. По данным опросов, в глазах представителей других стран Европы французы и немцы сейчас находятся внизу рейтинга доверия.

Конечно, Меркель способствовала поляризации. До сентября 2015 года многие европейцы считали, что она слишком сильно полагается на режим бюджетной экономии, который усиливал кризис евро. Но затем она превратилась в лидера гуманитарной политики Европы в ответ на кризис беженцев, заслужив похвалу от бывших критиков, но осуждение со стороны популистов и других националистов, которые выступают против ЕС, прежде всего, в Великобритании, Франции и Центральной Европе. Теперь популисты возлагают на нее вину не только за беженцев, но и за терроризм.

Давно устоялось представление, что остальная Европа должна просто принять все, о чем сумели договориться Франция и

Макрон тоже не пользуется особой популярностью в Центральной и Восточной Европе. В некоторых странах из-за своей критики «Директивы о командированных работниках» (она дает работникам стран региона возможность успешно конкурировать с западноевропейскими зарплатами, при этом избегая налогов на

Во время кризиса евро многие греческие, итальянские и испанские политики видели во Франции противовес Германии. Они полагали, что Франция способна умирить немецкие требования жесткой бюджетной экономики и добиться увеличения инвестиций госсектора. Но все это оказалось иллюзией, ошибочным пониманием роли Франции во франко-немецком партнерстве. В соответствии с традиционным разделением труда между ними, Франция занимается безопасностью и демонстрацией власти Европы за рубежом, а Германия заведует внутренними финансами и экономикой.

Когда в 2014 году Европа столкнулась с проблемой безопасности после аннексии Крыма Россией, франко-немецкий мотор сработал достаточно эффективно. Но критикам ЕС идея скоординированной внешней политики нравится не больше, чем идея бюджетной и монетарной дисциплины, навязываемой в разгар рецессии.

Между тем, хотя франко-немецкое партнерство вызывает критику, одновременно оно становится более влиятельным, поскольку Великобритания решила выйти из ЕС. До референдума о Брексите в 2016 году многие периферийные страны ЕС выделили в Великобритании барьер на пути французского «дирижизма» и роста власти Германии. Но теперь Великобритания, ведущая переговоры об условиях выхода из ЕС, попала в зависимость от Германии и Франции.

Очень показательными стали фотографии визита премьер-министра Великобритании Терезы Мэй в Брюссель 20 октября, потому что они напомнили тот момент, когда на саммите ЕС в ноябре 2011 года Меркель и бывший президент Франции Николя Саркози отворачивались от премьер-министра Италии Сильвио Берлускони. Через пару недель Берлускони потерял власть.

Ради будущего Франции и Германии срочно нужно выработать единые подходы, выходящие за рамки их внутренней национальной политики и способствующие подлинным реформы на общеевропейском уровне. Уже есть определенное согласие по поводу необходимости координации в сфере обороны, а также гармонизации налогов. Но этого недостаточно. Франции и Германии предстоит решить еще множество вопросов, связанных с бюджетной централизацией, реструктуризацией суверенных долгов и другими фундаментальными вопросами.

И вне зависимости от того, договорятся Франция и Германия по любому из этих вопросов или нет, все политические сферы должны быть открыты для переговорного процесса с участием всех стран ЕС. Остальные страны Европы должны почувствовать, что у них тоже есть место за столом, где принимаются решения. Этого можно добиться с помощью общеевропейского кандидатского списка в Европейский парламент, который недавно предложил Макрон; или с помощью формального механизма взаимодействия с регионами и городами Европы, так чтобы Европейский совет не был зарезервирован исключительно для стран-членов ЕС.

В целом, Евросоюз еще вполне может развиваться, но только при условии, что он освободится от узких французских и немецких приоритетов. Европе сейчас нужна не твердость центра, а твердость мысли.

(c) Project Syndicate

Гарольд Джеймс

Принстон

Гарольд Джеймс (Harold James) - профессор истории и международных отношений Принстонского университета и старший научный сотрудник Center for International Governance Innovation.

